

Владимир Коротаев

**Карточная колода
цыганки**

Владимир Коротаев

Карточная колода цыганки

<https://litres.ru/74661639>

SelfPub; 2026

Аннотация

Середина XIX века. Венгерская кампания славного русского войска почти заканчивается, пора с победой возвращаться домой.

Перед самым возвращением старая цыганка дарит командиру эскадрона карты за то, что он не дал его подчинённым надругаться над её внучкой. Цыганка обещает, что эти карты принесут этому командиру выигрыш, потому что во время игры он "увидит" карты партнёров.

Русский офицер опасается использовать эту колоду, потому что карты - это зло. Колдовские карты - зло куда хуже. Но обстоятельства заставляют теперь уже бывшего офицера начать играть.

Спустя несколько лет следователь Васнецов должен найти и изъять эту колоду, появившуюся у кого-то из карточных игроков, потому что та карточная колода хотя и приносит игроку выигрыш, но оборачивается её обладателю смертью. Зло должно быть остановлено.

Содержание

Глава 1. Генерал и его история	4
Глава 2. Поиски первого владельца колоды	18
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Владимир Коротаев

Карточная колода цыганки

Глава 1. Генерал и его история

Известно, что в Первопрестольной всяких чудес происходит намного больше, нежели в столичном Санкт Петербурге. Возможно дело в том, что в столице слишком холодно для этих природных феноменов. А Москва богата традициями, включая и те, что с чудесами. Но в чудесах есть один недостаток - иногда ими приходится полиции заниматься. Эта история, начавшаяся в конце лета 1875-го года, как раз про чудеса в Первопрестольной, которые пришлось расследовать полиции, вернее одному её представителю - следователю Васнецову.

Когда Егор Дмитриевич вызвал Васнецова, как он сам сообщил, для разговора, Андрею это сразу не понравилось. Под словом "разговор", особенно если это разговор между начальником и подчинённым, может подразумеваться что угодно, но только ничего хорошего для последнего. Так оно и оказалось.

Егор Дмитриевич долго не знал, как приступить к главному, что-то спрашивал про текущие дела, выловили ли Еромокку-вора и в подобном духе. Наконец, все темы были ис-

черпаны и тогда Егор Дмитриевич, вздохнув, сказал.

- Васнецов. Приказывать я Вам не могу, но есть одно дело, которое я никому другому в департаменте поручить не могу.

Васнецову бы порадоваться за такую высокую оценку его как следователя, но что-то подсказывало, что то, что дальше последует, окажется куда как неприятным.

- Дело щекотливое,- раскрыл часть подробностей Егор Дмитриевич, - Но я отказать не мог. Папашин сослуживец, человек, понятно что в годах. Генерал словом. В отставку вышел генералъ-лейтенантомъ.

Последнее, про возраст, было очевидным - Егор Дмитриевич сам не молодой, его отцу пожалуй за шестьдесят.

- Так вот. Генерал испросил меня разобраться в одной ситуации. Неоднозначной.

Егор Дмитриевич вновь замолчал. Васнецов подумал, что уж скорее бы начальник приказ в виде просьбы озвучил.

- Васнецов, приказать, послать расследовать то, чего вроде и нет, сами понимаете... Поэтому, Васнецов, я Вас прошу подойти к этому делу деликатно, но со всей ответственностью. Генерал конечно уже в годах, однако ум ясный и не думаю, что ему всякие фантазии в голову лезут. А Вы, Васнецов, имеете опыт в так сказать проявлениях нечистой силы.

"Ага. Вот оно", - понял Васнецов. - "Расследовать то, чего нет".

- А история престранная. Верить или нет, не знаю. Но Вам надобно будет посетить дом генерала, чтоб самому получить

представление о сей загадке. Так сказать, из первых уст.

Дом генерала, трехэтажное здание гранитного оттенка за массивной чугунной решеткой с направленными вверх остриями копий, находилось недалеко от Тверской, от их полицейского управления. Поэтому менее через час Васнецов уже стоял на парадном крыльце генеральского особняка. На стук в дверь из неё вышел швейцар в новой ливрее и потому полный гордости от оказанного доверия. Нелюбезно заявил, оглядев гражданский костюм Васнецова, его запылившиеся ботинки:

- Его превосходительство сегодня не принимает. Извольте покинуть двор.

Васнецов подумал, что напрасно он не надел мундир и что-нибудь блестящее на грудь.

- Доложи, любезный, что я от коллежского советника Дороговцева, начальника сыскной полиции.

Швейцар быстро скрылся за дверью и когда появился вновь, был куда обходительнее.

- Ты запомни меня. Я тут не последний раз. - указал Васнецов, - Ну так води меня к генералу.

Швейцар проводил Васнецова через холл, пустотой и правильностью линий похожий на полковой манеж (хозяин всё же генерал!) в гостиный зал, большое помещение, украшенное бюстами каких-то древних личностей. Должно быть победителями разных военных кампаний - боевое тянется к боевому. Тут следователя попросили чуть подождать. Сейчас

сам генерал спустится. Действительно, буквально через пару минут - Васнецов даже присесть не успел - дверь открылась и в зал вошел седой старик, хотя и одетый в домашний халат. Но даже в халате этот старик сохранял военную выправку. Когда наступает дряхлость, люди, ей подверженные, двигаются осторожно, все движения у них становится замедленными. Этот же был бодр. Походил перед Васнецовым, приглядываясь. Причем молча - на представление Васнецова, что он из сыскной части и тут по поручению статского советника Дороговцева Егора Дмитриевича, хозяин дома лишь кивком ответил. Наконец генерал остановился.

- Не Вы ли ведьмами занимались?

Васнецов кивнул. Ведьмами так ведьмами. Главное - поручение Егора Дмитриевича исполнить.

- Что-ж. Возможно, Вы подойдете для моей просьбы. Хотя вижу, молоды. Плохо, что молоды.

- Простите-с. Что же плохого в молодости?

- Молодые соблазнам подвержены. Вот что плохо. Ну да ладно. Одну историю я Вам должен рассказать. Присядьте.

Васнецов присел на указанный генералом высокий стул. Сам генерал опустил в кресло напротив.

- Скажу прямо. Хотелось бы, чтобы эта история умерла вместе со мной. Но Дмитрий Ильич, отец Вашего начальника, к кому мне пришлось обратиться за помощью, настоятельно рекомендовал эту историю всё же раскрыть, чтобы тот кому будет поручено заниматься моим делом, осознал

необычность ситуации. Поскольку Егор Дмитриевич поручил это занятие Вам, то Вам и предстоит её услышать.

- Ваше превосходительство. Смее Вас заверить, что полученные от Вас сведения дальше меня не уйдут.

Генерал хмыкнул как бы сомневаясь в надёжности Васнецова как хранителя тайны, но рассказ свой начал.

- Сын полковника Дороговцева, Егор Дмитриевич, должно быть назвал моё имя отчество? Павлом Васильевичем меня величают. В отставку вышел в генеральском звании. Хотя это к делу не относится. А вот что относится, то было более двадцати лет назад, в венгерскую кампанию. Одна оказия случилась, когда подавляли бунтовщиков. Помню, озлобление было с обеих сторон. Не мне было судить и не мне обсуждать приказы высших командиров. Но временами мы должны были быть жестокими. Население восстало. Без карательных мер было никак не обойтись. Но жестокость к бунтовщикам и насилие над местным населением всё-таки мы, командиры, старались разграничивать.

Павел Васильевич прервался. То ли вспоминал те дни, то ли искал слова, как поточнее рассказать. Затем продолжил

- Кампания та подходила к концу. Мы уже были извещены о скором замирении. Но до подчинённых приказ не доводили. Опасались падения дисциплины.

И вот однажды вечером зашёл ко мне мой сослуживец, хороший товарищ, ротмистр Самылин. В одном звании мы были и командовали одинаковыми частями.

- Давай, брат, выпьем, предложил.

Выпили мы с ним. Вижу, что его что-то мучает.

- Самылин, говорю, что у тебя? Что такой озадаченный?

- Курьёз вышел однако. Но случай презабавный. А вот отойти не могу, всё мысли возвращаются. Мои молодцы хотели с молодой цыганкой позабавиться. Схватили, закинули на коня и в одну палатку доставили. Мне до цыганки дела не было, но это разлад в дисциплине сильно мне не понравился.

Я ему говорю, да дал бы своим гусарам позабавиться.

На что Самылин сказал, что в штаб пришёл приказ подготовиться к сворачиванию лагеря. До войск ещё не было доведено, но приказ уже такой имелся. Было в том приказе, чтобы любые насилия прекратить, поскольку устанавливался мир. Потому портить себе карьеру он не хотел - вдруг случай с цыганкой дойдет до командования, и это когда ведутся переговоры о замирении. Поэтому он зашёл в ту палатку и приказал цыганку освободить и вернуть туда, где взяли. Подчиненные разозлились, глазами засверкали, так что прикрикнуть пришлось и напомнить, что я ведь могу их всех кое-куда отправить. Его гусары побурчали, но ту девицу увезли. Не сразу, но увезли. Следить за ними он не мог: его срочно вызвали к командиру, куда и меня позднее вызвали, - добавил Павел Васильевич.

Тут генерал прервался, вспоминая ту ночь.

- Да, Самылин дальше вот что рассказал:

- Наутро приходит ко мне старая цыганка. Говорит, что

она бабка той девицы и мол хочет меня отблагодарить, что внучку вернули. Мне бы надобно сразу же отослать её прочь, да тут голова болела после ночного совещания. Ты же помнишь то совещание перед самым возвращением в Россию. А дальше вот что:

Старуха подает мне колоду карт и говорит, что за спасение внучки дарит мне эту колоду.

Заворожила она меня что ли. Вместо того, чтоб отказать-ся, спрашиваю и чувствую спрашивать-то не хочу, а спрашиваю.

- Зачем мне, старуха, твоя колода? Она уже потрёпанная и играть этой колодой со мной никто не сядет. А если гадать на ней, так я в карты не верю.

Она и говорит, что карты принесут тебе удачу. Ты этой колодой ни за что не играй, а когда сядешь в карты за игровой стол, держи колоду близ сердца. Сам увидишь, что будет.

Самылин тут устал от рассказа, налил себе и мне вина, мы чокнулись и выпили. Самылин усы обтёр и продолжил.

- Колода у меня осталась. Так пока и лежала на столе в палатке. А дня через два, думаю, дай-ка я проверю, не соврала ли цыганка та. Ты же знаешь, у нас в полку есть игроки, азартные люди. Да ты их всех знаешь. От ожидания. от безделья, они каждую ночь банк раскидывают. Поехал я к ним, спрашиваю, примите ли нового игрока. Они говорят, что со всем удовольствием, если у тебя деньги есть.

Взялись мы играть. Карты раздали. Я потрогал за пазухой ту колоду стоило её тронуть, как вдруг увидел, какие карты у каждого. Вот веришь ли? Лежат карты рубашкой вверх, но я вижу, какая это карта. Если, конечно, карта не закрыта другой партой. Верхнюю вижу, как если бы она была перевернутой рубашкой вниз. Но надо руку поддержать на колоде, касаться её.

Я их всех обыграл. Но так неожиданно, что решил обратиться в шутку. Вернул деньги, сказал что-то что случайно повезло. Но в карты играть больше не буду - такая фортуна раз в жизни бывает. Больше не повезёт и посему больше не играю.

Помню, что я сильно удивился такой диковинной истории. Самылин тут ко мне с вопросом:

- Скажи, Васильич, может ли такое быть?

Я промолчал, но сия история мне почему-то не понравилась. Ничего презабавного я не видел. Нечистая ли это сила была, пока что нельзя было утверждать. Ну, отдала цыганка колоду, но ведь в благодарность за внуку. Однако что-то меня грызло, какое-то нехорошее чувство. Слушай, говорю, а как ты с цыганкой переговаривался. Не на мадьярском же. На русском получается. Какая-то венгерская цыганка знает русский? С трудом верится. Тут мы оба задумались. Самылин говорит, да, получается, на русском переговаривались. К тому же голова сильно болела, не обратил он внимания, что на русском говорили. Я тут вспомнил, что могло быть такое,

что цыганский табор вместе с этой цыганкой и в Российской империи побывал, обучились они немного русскому. Так что тут загадка с языком вроде разрешается. Но всё равно.

Я Самылину говорю, что не богоугодное это дело. Да и сами карты, ты же знаешь, зло. Давай, съездим в цыганский табор. Повыспрашиваем про ту цыганку. А её встретим, так колоду пожалуй лучшее будет отдать.

Да вот только не смогли мы найти эту старуху. В табор приехали, приступили с вопросами. по русски никто не понимает, или не хочет понимать. Только талдычат по своему. Кое-как нашли толмача, чтобы помог нам объясниться с цыганами. Объяснились. И тут они говорят, что цыганка с внучкой куда-то ушли. Цыганка мол давно хотела помереть, но ей надо внучке свою силу передать, тогда спокойно богу душу отдаст. Словом или морочили нам головы или взаправду сами верили. Если, говорят, можете ждать, то внучка-то точно вернётся.

Тогда я говорю Самылину, поехали отсюда. Нечего тут делать, не найдём ту цыганку. И будет лучше, если ты эту колоду сожжёшь, чтоб уж наверняка она пропала. Нехорошая это колода, несчастье тебе принесёт. И тут вижу, с Самылиным что-то начало происходить. Он отвечает, а не завидуешь ли ты, Васильич, мне. Я ведь тебе всё как на духу рассказал, да и выигрыш, что мне достался из-за этой колоды, вернул. Сам видишь, не попал я под действие карт.

- Евгенийч, - я попытался его вразумить, - какая тут за-

висть? Я с тобой поехал в табор расследование проводить, цыганку искать. А ты мне "завидуешь".

- Извини, - отвечает, - Точно, чёрт попутал.

Словом, Самылин, моего совета не послушал, колоду при себе оставил. Твёрдо вознамерился выяснить, что ещё эта колода даёт её владельцу. Так мне сам сказал. Говорит, играть не буду, но штука презабавная. Помню, я предложил ему использовать с пользой - вот ежели угадывается рисунок, так может быть можно читать письма в запечатанном конверте?

Оказалось. что нет. Эта колода ничего не даёт. Карты. Только игральные карты открывает.

Генерал задумался, раскурил трубку. Васнецов терпеливо молчал, ждал, что ещё про ту таинственную колоду может поведать Павел Васильевич.

Через некоторое время генерал продолжил.

- Самылин всё же начал играть. Тогда причина для игры была веская - один молодой человек проигрался в карты, причём он проиграл наследства своих сестёр, коими он являлся опекуном.

Семнадцатилетняя сестра приехала к Самылину, встала на колени, сказала, что сделает всё, что он захочет - лишь бы он вернул проигрыш.

Самылин первый раз тогда применил колоду цыганки, вернул долг.

- Простите, чисто юридический вопрос - но ведь действия опекуна были незаконны.

- Это Вы законы знаете. А те девицы, одной было семнадцать, второй и того меньше, воспитывались мамашей. Что они могли знать, как отстоять свои права? К тому же - это мне потом сообщили - старший брат, опекун, обманом заставил их подписать некую бумагу.

- Согласен с Вами, Ваше превосходительство. Однако Вы что-то знаете большее про тот случай?

- Нет. Кроме того, что Самылин поступил благородно - опеку на себя оформил, долг отыграл, имущество переписал на тех сестёр. Хотя пришлось похлопотать, до двадцати одного года девицам было далеко. Но вероятно этот случай воздвиг его на игру. Ожидаемо, карты его и погубили.

Васнецов не понял, почему "ожидаемо"? Переспросил:

- Позвольте ещё вопрос: а что же в итоге произошло с Вашим сослуживцем?

- Дайте вспомнить. - Павел Васильевич встал, прошёлся по комнате. - Самылин после Венгерской кампании службу оставил. Ещё до Крымской в отставку вышел. Я продолжал служить. Естественно, наши пути разошлись. При последней встрече я спросил его, уничтожил ли он ту колоду? Он ответил отрицательно. Я ему напомнил, что та цыганка делала подарок не просто так, надо опасаться её подарка. Он отмахнулся. Я оказался прав.

- То есть Вы всё же интересовались его судьбой?

- Не интересовался, - довольно резко ответил генерал, - Нет. Но иногда мне докладывали, что происходит с моими

сослуживцами. Так вот, в один день мне доложили, что мой сослуживец Самылин убит на дуэли.

- Не припомните, когда это было?

- Э...лет пять назад, может чуть меньше. Да. Моему внуку тогда шестнадцать исполнилось.

Васнецов ждал, что скажет генерал. Но тот впал в задумчивость. Тогда Васнецов решил сам прервать молчание.

- Простите, Павел Васильевич, так чего Вы ожидаете от меня? История весьма любопытная, но я нисколько не сомневаюсь в правдивости Вашего рассказа. Но ведь я всего лишь мелкий полицейский следователь.

- После смерти Самылина о той колоде некоторое время ничего не было слышно. - пояснил генерал свою озабоченность. - Но есть сведения, что недавно она вновь всплыла. Появилась. Кто-то её использует.

- Павел Васильевич, позвольте один вопрос: почему лично Вас так тревожит эта колода?

Генерал исподлобья посмотрел на Васнецова. Андрей постарался выдержать его взгляд. В конце-концов, Васнецов не холоп генерала. Надо понять, что так того взволновало спустя немногим менее пяти лет после смерти его сослуживца. Такое понимание хотя бы определит направление расследования.

- Хорошо. Отвечу. О внуке тревожусь, беспокоюсь. Внук у меня единственный, остальные - внушки. Что с ним случится - мой род, род Кр-их прервётся.

- Простите мою непонятливость. Но то, что Вы мне рассказали, это дела давно минувших дней. Или Ваш внук проявил интерес к этой колоде?

Генералу вопрос Васнецова не понравился. Он замолчал, сжал губы. Но так как Васнецов не отводил от Павла Васильевича свой взгляд, то генерал наконец дал своё объяснение.

- Полагаю, что да. Проявил внук мой интерес к этой колоде. Однажды вечером мы сидели у камина, грелись. Погода была дрянная, дождь со снегом, к тому же начало Рождественского поста. Балов не устраивали, внук откровенно скучал. Попросил меня вспомнить что-нибудь интересное из моей военной карьеры. Я предался воспоминаниям - в мои-то годы что ещё остается?

- Дед, а были ли курьёзные случаи? - спрашивает, - Вот я читал что на войне важен рок. Одних пуля как бы совсем не берёт, а гибнут совсем от другого.

И тут я рассказал ему про своего товарища и про цыганку и её колоду

А недавно понял, что внук всерьёз воспринял мой рассказ.

Начал выпрашивать, как звали моего товарища по тому походу, как это он в походах не получил ни царапины, а умер от карт. Мне бы задуматься, отчего такой интерес. Я полагал, что дело молодое, да и интерес к нашим походам всячески заслуживал поощрения. Но нет, не походы и наши боевые

подвиги его интересовали.

Каким-то образом он прознал, что под конец жизни мой бывший товарищ, Самылин, играл и выигрывал очень много. Как он тратил выигранное, неизвестно. Да моего внука другое интересовало: что за свойство у той колдовской колоды. Я ему говорю: "Отступись! Эта колода уже свела в могилу моего бывшего сослуживца". Внук, конечно, "да-да" мне ответил, но только вижу я, замыслил он совершенно иное.

Генерал встал, что означало, что визит заканчивается.

- Приказать Вам, господин следователь, я не могу. Однако озвучу мою личную просьбу: остановить, найти ту колоду и уничтожить. Сжечь - самое верное будет.

Глава 2. Поиски первого владельца колоды

Васнецов вернулся на службу. Доложил Егору Дмитриевичу о визите к генералу, о том, что по мнению генерала имеется, ходит по рукам некая колода, которая даёт её обладателю, игроку в карты, удивительную способность видеть, какие карты у его партнёров по игре. Словом, что-то похожее на "Пиковую даму" известного поэта и литератора, такие же фантазии. И генерал желает, чтобы мы эту дьявольскую колоду нашли и сожгли публично.

Начальник, видя отсутствие задора в глазах Васнецова при получении нового - и интересного - дела, попытался представить, что не всё так плохо.

- Васнецов. Понимаю, что дело - из разряда безнадёжных. Но Вы уж постарайтесь что-то найти. На время розыска трогать я Вас не буду, никаких лишних поручений. Наоборот, с моей стороны будет оказано содействие. Сразу назову причину: отец мой просил. Спрашивал не далее как вчера, как мол с его сослуживцем? Продвигается ли что с расследованием? Да и для общества эта колода, если такая имеется, представляет опасность. Карты сами по себе зло. А тут... - Егор Дмитриевич совершенно натурально скривился,

- Сколько разорившихся семейств из этой заразы. Надеюсь, Вы нее подвержены сей страсти.

- Нет-с. Признаюсь, будучи студентом раз попал в компанию играющих. Удалось вырваться, остановиться. Да и ответственность всё же чувствовал. Отцовский дом не мог на кон ставить.

- Верю. Верю, что у Вас есть ответственность. Я за Вами давно наблюдаю. Поэтому в будущем расследовании ответственность Вам ох как пригодится. Карты - это такое зло.

- Егор Дмитриевич, позвольте один вопрос. Я согласен, что игральные карты - зло. Но это зло абстрактного свойства. Отчего же у его превосходительства генерала такое беспокойство из-за интереса его внука к той колдовской колоде?

Егор Дмитриевич вздохнул. Потом всё же произнёс:

- Андрей Юрьевич, чтобы что я сейчас скажу, никому ни слова, чтобы умерло в Вас. С возрастом мы, как известно, лучше не становимся. Его превосходительство - человек отважный, в боях не раз это доказал. Но после одного случая появилась у него фобия, что карты сживут его род со света. Сам он никогда не играл. Единственному сыну внушал, чтобы в карты не садился. Тот дал слово отцу, что играть не будет и слово это держал. Но вышло так, что влюбился он в одну замужнюю даму. Муж с ней вроде как не жил, Вы понимаете, что это значит? Не жил, но и от себя не отпускал. А прознав про связь своей жены с сыном Павла Васильевича, предложил тому: "давай, мол, сыграем в карты. Выиграешь

- моя жена будет твоею. Нет - ты забываешь её." Сын в карты играть не умел, или муж тот был кем-то навроде шулера. Только сын Павла Васильевича проигрался. Встал, сказал, что слово своё я держу, и выстрелил сначала в мужа, а потом в себя.

Егор Дмитриевич замолчал. Андрей молчал также, впечатлившись почти шекспировской трагедией в доме генерала. Но надо было узнать, что если сын застрелился, как у генерала внук появился. Однако Дороговцев упредил его расспросы:

- А через некоторое время приезжает к его превосходительству вдова, любовница его сына. Приезжает с младенцем. Говорил генералу, что это Ваш внук. До шести лет мой сын будет со мной, а потом я уеду из России, но внука Вам оставлю.

У генерала были ещё дети, но все дочери. И как назло, рожали только дочерей. Поэтому единственным внуком он так дорожит и опасается, что и тот через карты найдёт себе гибель.

Васнецов про себя ужаснулся. Не дай Бог расследовать ещё и эту шекспировскую трагедию. Как бы отвертеться от генеральской просьбы.

- Егор Дмитриевич, но я ни про карты, ни про игроков почти ничего не знаю. Разве что "Пиковую даму" читал., "Штосс" литератора, погибшего в юном возрасте. Но ведь это всё выдумки, фантазии.

- Тут Вы, Андрей Юрьевич, ошибаетесь, что это только фантазии. В начале пятидесятых встречался я по долгу службы с князем Сергеем Григорьевичем Голицыным, из рассказа которого про три карты, образовалась сия повесть. "Пиковая дама" стало быть. Заодно спросил, правда ли его двоюродная бабушка карты ему назвала. Он меня высмеял, сказав, что каждый третий про три карты спрашивает. Но нрава он был лёгкого, на меня, мелкого полицейского не обиделся, а сообщил, что было у него чувство, что если он возьмёт наугад три карты из старой колоды, что его бабушка - не старая графиня, а родная бабушка - для пасьянса пользовала, и во время игры вытащит эти три карты одну за другой и сделает ставку на эти карты, то отыграется. И ведь отыгрался.

Васнецов слушал всё это и не понимал - а зачем ему это знать. С него хватит одного: есть какая-то колода, которая прям волшебным манером позволяет видеть карты. И почему этот фокус происходит, Васнецов знать не желает.

- Это я к тому, Андрей Юрьевич, Вам рассказываю, - продолжил Дороговцев, - что князь был большим выдумщиком. Как было на самом деле, никто теперь уже и не узнает, князь помер несколько лет назад. Но его рассказ оказался очень заразительным, особенно после Пушкинской "Дамы". Выигрыш в фараоне - чистая случайность. Но когда люди видят в этой игре какую-то систему, заканчивается всё плохо. Заканчивается разорением, самоубийствами и прочее.

Произнеся всё это, начальник тяжело вздохнул. Как будто

сам подвергся злу в виде проигрыша в фараона. Замолчал. Васнецов решил этим молчанием воспользоваться.

- Егор Дмитриевич, позвольте заметить. Доблестная Венгерская кампания случилась более пятнадцати лет назад. По словам его превосходительства, колдовскую колоду передали его сослуживцу в то время. То есть достаточно давно. Но что-то по Москве за это время не ходили легенды о страшном зле в виде этой колоды. Как, скажем, про три карты "Пиковой Дамы".

- А вот тут Вы, Андрей Юрьевич, не правы. Про эту колоду уже пошли слухи, не буду говорить, кто мне их передал. Будто вновь гуляет эта колода где-то в Москве. И если в эту колоду поверят, будет ещё хуже, чем Голицынскими тремя картами. Словом, какая ни дьявольская эта колода, её надобно разыскать и уничтожить. Более я Вас не прошу. Только это. Тем более боевой товарищ моего отца этого ждёт от нас.

Васнецов кивнул, соглашаясь. Да, колода - это зло. Но сделал ещё одну попытку отвертеться от навязываемого расследования.

- Егор Дмитриевич, но ведь я - полицейский. Каким образом я буду расследовать, искать ту колоду, если в игорных домах полицейских не терпят.

Дороговцев задумался. Потом произнёс:

- Вот что, Андрей Юрьевич. В нашей службе есть агент, который занимается исключительно картёжниками. Регулировать сие зло как-то надо. Поговорю с ним, вместе подума-

ем, как Вас ввести в тот круг. До завтра Вы свободны.

Васнецов понял, что от расследования, безнадёжного с самого начала, ему не отвертеться, поэтому надо выторговать преференции, какие возможно. Но это завтра.

Знакомство с "агентом, занимающимся исключительно картёжниками," состоялось утром следующего дня. Васнецов был приглашён в кабинет к начальнику, где кроме него расположился в кресле господин средних лет одетый в шёгольский но не новый костюм, с потёртостями на нижней стороне рукавов. Как предположил Васнецов, по этому признаку в господине должны были угадывать игрока.

- Это один из моих наиболее способных сотрудников, Андрей Юрьевич Васнецов, - представил Васнецова Егор Дмитриевич, - А это...

- Иван Матвеевич, - прервал его незнакомец. - Предлагаю опустить официальности. Обращение по имени меня вполне устраивает.

Егор Дмитриевич несколько удивлённо посмотрел на представившегося, но ничего добавлять не стал. Предложил Васнецову присесть напротив Ивана Матвеевича.

- Мы тут с Иваном Матвеевичем обсудили и решили, - начал своё объяснение Дороговцев, - что лучше всего для Вашего проникновения в картёжную среду подойдёт следующая история: Вы как будто разочаровавшись в службе (Васнецов тут же подумал, что давно пора разочароваться из-за

таких расследований) подали в отставку и уехали в столицу. Там Вы предложили свои услуги известному издатчику, упомянув Ваш опыт работы на благо отечества. Что Вы способны создать нечто в стиле Крестовского, его "Петербургских тайн", но про Первопрестольную. Издатчик воспринял Вашу идею положительно, дал Вам задание в краткий срок написать некий роман о порочности карточных игр.

- Егор Дмитриевич, так ведь уже имеется такой роман. "Игрок" называется. Известного литератора Достоевского. Как я могу соревноваться с таким титаном слова? Я и не смею это делать.

- Никто Вас ничего сочинять не заставляет. Даже вредно будет, если Вы ещё и литераторством займётесь. Вас введут в то общество, представят игрокам и Вы, общаясь с ними, как бы будете набираться впечатлений.

Да, с нашим начальником, обер-полицмейстером Николаем Устиновичем Араповым я согласовал, что Вы как бы уволены и все в нашем департаменте будут придерживаться такой истории. Никаких утечек быть не должно. На службу не ходить, общаться через нашего человека. - Дороговцев кивком указал на Ивана Матвеевича. Докладывать о ходе Ваших поисков также через него.

- По окончании расследования, уверен, что успешного, Вы безусловно вернётесь к исполнению прямых обязанностей. Добавлю, что, - Егор Дмитриевич глазами указал в потолок, - также заинтересован в успешных поисках сей таинственной

вещицы.

- Э... - хотел задать вопрос Васнецов, но Егор Дмитриевич его тут же прервал.

- Андрей Юрьевич. Все детали прошу обсудить с Иваном Матвеевичем.

- Любезный Андрей Юрьевич, - произнёс Иван Матвеевич, едва они покинули кабинет Дороговцева, - собственно, обсуждать какие-то детали будет лишним. Как условились, я Вас введу в круг игроков, а уж дальше Вы сами, сами. Извините, но помочь в Вашем расследовании ничем не могу. У самого дел по горло.

- Иван Матвеевич, этого будет достаточно. Но маленькая просьба. введите меня в тот круг, скажем, через неделю. Мне надо самому перед этим подготовиться. Кое что проверить.

- Как будет угодно. Зайду в Ваш отдел в следующую среду часов в десять. Будьте готовы.

- Один вопрос. Егор Дмитриевич сказал, что донесения ему о ходе расследования передавать через Вас. Но как я буду Вас искать, ежели Вы секретничаете.

- С этим, Андрей Юрьевич, просто решить. Я pošлю Вам слугу. Он будет раз в неделю к Вам заходить. Через него всё и передадите. Ну и если вопросы ко мне будут, так тоже через него.

У Васнецова были свои планы, как начать расследование. Очевидная точка отсчёта - первый владелец колдовской колоды, Владимир Евгениевич Самылин, ныне увы покойный. Насколько Андрею удалось узнать, у Самылина было поместье под Москвой, возможно не одно. Но в самом городе собственного жилья Самылин не имел. Когда приезжал в Москву играть, снимал квартиру.

Если Самылин плохо кончил (слова генерала - убит на дуэли), то надо узнать, как именно кончил, с кем у Самылина возник конфликт, окончившийся смертью последнего. Поскольку генерал назвал примерное время смерти Самылина, то по полицейским архивам Васнецову достаточно легко удалось найти адрес квартиры, которую снимал Владимир Евгеньевич в доходном доме в свой последний приезд в Москву и где он был обнаружен мёртвым. "Для полиции обнаружен", - понял Васнецов. - "Не лугу же, где дуэль имела место, тело Самылина следовало оставлять".

Хотя с того момента прошло около пяти лет, Васнецов рассчитывал на то, что владелец того доходного дома, в котором Самылин снимал комнаты приезжая в Москву, помнит подробности. Андрей, взяв с собою материалы дела о смерти Самылина, помещика Подольского уезда, отправился по

нужному адресу. Егор Дмитриевич похлопотал по его просьбе: на время следствия дело из архива передали Васнецову.

Домовладельца он не нашёл. Жильцы, что снимали комнаты в указанном в материалах следствия доме, сером каменном здании в три этажа, сказали, что с самим домовладельцем они не общались. Но под аркой есть отдельная дверь, где проживает его управляющий. С ним они и общаются по всем вопросам, касающимся проживания. Управляющего, рыхлого, не очень опрятного субъекта, Васнецов разыскал быстро. Представляться не стал, ограничился демонстрацией своей полицейской бляхи. Когда управляющий оторвал от бляхи свой взгляд, Васнецов приступил к допросу. Первым делом спросил про смерть помещика Самылина, которая случилась в этом доме пять лет назад. Добавил, что сей господин несколько комнат тут арендовал.

Поначалу управляющий делал совершенно глупое лицо, изображая ничего не понимающего. Васнецову пришлось пригрозить:

- Милейший, прекратите ваньку валять. В полицейском протоколе стоит Ваша подпись. Подпись корявая, но инициалы снизу указывают, что подпись Ваша. Поэтому или Вы всё откровенно рассказываете, или пойдёте со мной в тот участок. До выяснения.

Управляющий мгновенно перевёл глупое выражение своей физиономии на испуганное.

- Господин полицейский. Прошу покорно извинить. Вспомнил я. Сразу не получалось, так пять с лишком годков прошло. Вы спрашиваете, что нужно. Всё отвечу.

- Помещик Самылин. Каков он был из себя?

Управляющий сразу не ответил. Наморщив лоб, задумался.

- Только правду, - предупредил Васнецов. - Никаких фантазий.

- Так это... - начал мямлить управляющий, - Сразу не обрисовать, каков он был. Мы к нему старались не соваться без повода. Они ж из благородных. Сделаешь, скажешь что не так, а потом тебе от хозяина выговор. Одно могу сказать: вёл себя тихо. Побольше бы таких жильцов.

- Которых на дуэли убивают, вам такие по душе?

Управляющий смутился.

- Мы...я... Мы же про дуэль не знали. Они ж дворянского сословия. Мы и соваться в его комнаты не смели. Туда отдельный ход шёл. Тот господин специально спрашивал, что ему нужна такая квартира, чтоб вход к ней был отдельно. К тому же квартиросъёмщик при себе саблю держал. Опасались его.

- Он кого-то опасался, что-то скрывал? - задал вопрос Васнецов.

- Господин полицейский. Разве мы могли это знать? Наше дело плату с него получать и подремонтировать, если что не так у него в комнатах.

- Но никого из посторонних он туда не водил. - добавил управляющий, - Я за этим слежу строго. Мне велено бунтовщиков не пускать, а студентам я сразу отказываю.

- А что было перед дуэлью? Перед его смертью, - уточнил Васнецов. Про дуэль управляющий мог и не знать. - Как помещик Самылин вёл себя в последние дни? Заметили что особенного?

- Ничего такого не было замечено. - управляющий помотал головой, - Так кто знал, когда он померёт. Разве что перед смертью к нему стал заходить один почтенный господин. Тоже из благородных. Он и тело отвозил из Москвы.

- Куда он отвозил?

- Так это нам неизвестно. Сказывали, что повезёт в имение умершего. Когда сюда полиция прибыла, этот господин тут же был. С него показания также брали. Вы уж там, в участке, спросите кто он таков. Сами мы опасались его спрашивать.

Васнецов отметил про себя, что для того, чтобы вывезти тело умершего из города, требовалось какое-никакое разрешение. Кому выдали такое разрешение, можно будет выяснить Васнецов должен дойти до полицейского участка и спросить подробности. Но пока ещё остаются вопросы к управляющему.

- Как было дело? Кто мёртвого помещика Самылина обнаружил?

- Так этот господин, товарищ покойного, тело и обнаружил. А уж когда меня туда вызвали, там полиция была.

Васнецов понял, что от управляющего мало чего добьёшься. Можно было спросить, какие документы оставлял Самылин при заселении. Но его визитная карточка скорее всего находилась у владельца сего доходного дома. Да и что нового могло дать её разглядывание? Полицейские, составлявшие протокол о смерти Владимира Евгеньевича, его данные указали.

Васнецов понял, что сейчас логичнее всего будет найти некоего господина Бердяева, чьё поместье также было в Подольском уезде. Согласно полицейскому протоколу, именно господин Бердяев был секундантом Самылина, подписывал протокол дуэли. Предстояла поездка в этот уезд.

Васнецов уже отходил от здания, когда услышал позади:

- Барин. Помогите, подайте на хлеб денежку. А я Вам как на духу расскажу, что тут случилось. Я ведь тут давно квартирую.

Васнецов обернулся. В дверях, ведущих в комнаты на первом этаже стоял худой, бедно одетый человек. Однако следов злоупотребления виной на лице этого субъекта Васнецов не увидел.

- А Вы знаете, чего я тут ищу?
- Извиняюсь заранее, но я подслушал ваш разговор с Митрофаном. Который стало быть у нас управляющий.

Васнецов достал пятиалтынный, подал просившему.

- Будут Ваши сведения полезны, ещё добавлю. Рассказываете.

Человек поманил Васнецова зайти в коридорчик. Пояснил: чтоб Митрофан не увидел.

- Так вот как было дело, - начал он рассказ. - В ту ночь, как стало светать, к жильцу, которого убили, заехал один господин. А потом оба быстро спустились, уехали. Я как почувствовал, будет что-то интересное. Они только отъехали, а тут же подъезжает другая карета. Как будто ждали, наблюдали, когда жилец сверху свою квартиру покинет. Из второй кареты вышли двое, заколотили в дверь управляющего. Один из благородных, голову держал так, как будто желает на всех смотреть свысока. А второй вроде нас, подручный, одет попроще. Вызвали оне Митрофана и показывают на двери, что идут в комнаты к жильцу. На второй этаж, значит.

- Милейший, и Вы всё это видели?

- Я притворился, что надобность у меня к Митрофану имеется. Вышел из своих комнат, делаю вид, что у Митрофана что-то намерен попросить. Да только тот на меня шикнул, не до тебя, мол. А те вообще смотрели на меня как на пустое место. Зашли оне значит вместе с Митрофаном в дверь, что ведёт в комнаты к жильцу на второй этаж. Митрофан в дверях стоять остался. Я бочком-бочком подхожу к Митрофану, но тот зашипел на меня, уходи, мол. Неча тут стоять. Те, видать, наверх поднялись. В тишине слышно было, что наверху что-то переворачивают. Что-то там шарились, искали. Я скрылся у себя, но через форточку слушаю, что дальше будет. Вышли они, злые - сужу по тому, что подручный

дверь решил попинать напоследок. Митрофану говорят, что дверь можешь не закрывать и наверху ничего не прибирать. Твоему жильцу уже будет всё без надобности.

- То есть они знали, что жилец тот будет убит?

- Барин. А вот этого я не знаю. Я лишь их слова повторил. Митрофан однако дверь запер. Я сижу у окна, наблюдаю дальше. Подъехала карета, из неё приятель этого жильца вытащил его самого, подхватил под руку и наверх потащил. Наверное, уже не живой был жилец тот. Потом этот приятель крикнул, чтобы полицию звали, помер мол ваш жилец. Мы все, кто слышал, наверх побежали в эту квартиру. И взаправду, беспорядок в вещах наблюдался. Разбросаны. Жилец-то из благородных был, живой бы не допускал такого беспорядка. А тут лежит на софе, уже мёртвый.

Андрей вытащил ещё пятиалтынный, подал рассказчику. За свой рассказ он заслужил.

Рассказчик быстро спрятал монетку в кармашек. Взглянул на Васнецова ещё раз.

- Может господина полицейского ещё один случай с квартирой, что наверху, заинтересует?

- Заинтересует. Рассказывай, милейший.

- Так вот. Мёртвого жильца его приятель увёз вскоре. Бумагу нужную получил и увёз. Комнату опечатали. Мы ходили туда, дай думаем, что возьмём. Мёртвому всё это будет ни к чему, а нам вспоможение. Но печать не стали срывать, опасались. А через дня три приезжает к Митрофану военный.

Что он управляющему говорил, неведомо. Да только вскоре вижу, управляющий дверь, что вела в комнаты жильца отпирает. Поднялись они наверх, слышим, теперь военный вещи передвигает, опять что-то ищет. И как предыдущие, вышел недовольный.

Ещё один пятиалтынник перекочевал в карман наблюдательного жильца. Васнецов распрощался с ним и опять направился к управляющему.

- Милейший, Вы не всё рассказали о той квартире. Придётся освежать память в участке.

- Господин полицейский. Я же... я завсегда...

- Через три дня после смерти жильца, кто сюда приезжал? - прервал управляющего Васнецов, - Кто осматривал его квартиру и рылся в его вещах? Отвечай! быстро!

- Так военный приезжал.

- И Вы открыли ему дверь, где квартировал помещик Самылин?

- Так как не открыть? Он сразу сказал, что дело государственной важности. Сам Самылин, мол, из военных, у него могли остаться бумаги, несущие военную тайну. Бумаги надо вернуть.

- Бумаги государственной важности на съёмной квартире? Вы чем думали?

- Господин полицейский. Это Вам легко такое заявлять. А тут военный, при параде, сабля на боку.

- Хорошо. А как этот военный представился? Это-то Вы

должны помнить.

- Виноват, господин полицейский. От его вида память у меня начисто отшибло. Дайте вспомнить. Да, от какого-то генерала он был.

- Имя генерала не Павел Васильевич?

- Точно! Точно, господин полицейский! Как В угадали? - радостно воскликнул управляющий.

"Ну хоть что-то, - подумал Васнецов, - Хоть что-то он выяснил. Хотя по испуганному виду управляющего полностью доверять его словам нельзя".

Васнецов задал вопрос, что делал в квартире Самылина посланец генерала. По заверениям управляющего он что-то искал, что-то мелкое, потому что всё в квартире перерыл. Но взять ничего не взял.

Поскольку посланец генерала ничего не нашёл (по уверению Митрофана), или вернее, не нашёл нужно ему вещи, то вести расследование в этом направлении будет бесполезной тратой времени. Поэтому, следуя логике, надо было разыскивать некоего Бердяева, как указано в материалах дела, помещика Подольского уезда и свидетеля смерти господина Самылина.

Пришлось ехать в Подольск, благо, сам городок был недалеко от Первопрестольной. В уездной полицейской управе Андрея ждало разочарование - Бердяев умер несколько лет назад. Как любезно сообщили Васнецову в управе, никаких разночтений в причине смерти Бердяева не было - застре-

лился сам. Будто бы карточный долг был слишком велик. Выстрел лично слышал его слуга, который и сообщил о смерти хозяина. Сейчас именем, совершенно небольшим, в пяти верстах от Подольска владеет его племянница, Марья Филипповна Федосеева. Она кстати, там и проживает. Должно быть совершенно из разорившихся, если была несказанно рада получить в собственность захудалое но поместье. Немного земли вокруг.

Васнецов уже предчувствуя, что этот след оборвётся, и потому настроившись на худшее, всё же решил добраться до бывшего поместья Бердяева. Нанятый ещё в Москве извозчик, сказал, что он эти места знает, беспокоиться барину нечего, доставлен будет до поместья в лучшем виде.

Поместье действительно оказалось захудалым. Крыша одноэтажного дома давно не перекрывалась, лишь в нескольких местах её подлатали. Краска со стен постепенно осыпалась, явила миру потемневшую от времени древесину брёвен. Фонарь у крыльца отсутствовал. Впрочем новая хозяйка старалась навести порядок. Розовые кусты перед домом были подстрижены, клумба облагорожена, дорожка покрыта свежей кирпичной крошкой и выметена. Что можно было сделать при ограниченных средствах, то было сделано. Дом постепенно восстанавливался.

На стук в дверь к Васнецову вышел высокий седой старик, слуга должно быть.

- Могу я видеть госпожу Федосееву, - как можно громче

произнёс Васнецов, опасаясь, что старик глуховат, потому что поворачивал голову в одну сторону, одним ухом к Васнецову.

- Кто её изволит беспокоить? Как доложить? - достаточно ясным голосом ответил старик.

- Следователь Васнецов из полицейского управления Москвы. - представился Андрей. Он следователем представился ещё в Подольске, разумно полагая, что специально пущенный слух, будто его уволили из полиции, сюда не успел добраться.

Через пару минут Васнецов был приглашён в дом. В небольшой гостиной, куда его пригласили, уже чувствовалась женская рука в убранстве. Цветы по стенам, вышивки. Какой-никакой, а уют. Хозяйка, женщина ещё не старая, но судя по её одеянию: строгое платье глухого покроя, ни единого украшения, ни кружев, ни лент - уже без надежды создать семью, какой же дворянин обедневшую дворянку замуж позовёт - пригласила его присесть за стол. Сама расположилась напротив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.